

Деревенская пѣсня и музыка нашихъ дней въ Вологодской губерніи.

I.

Меня поражаетъ здѣсь—въ Вологодской губерніи—скудость деревенской музыки и пѣсни. И прежде, сколько я помню, деревня не была богата этою сторопою жизни; теперь она стала, кажется, еще бѣднѣе, однообразнѣе, грязнѣе.

Вспоминаю свое родное село центральной губерніи въ началѣ 80-хъ годахъ минувшаго столѣтія. Въ то время, паряду съ рѣдкими въ употребленіи гармониками были въ большомъ ходу „жилейки“—сдѣланныя изъ тростника или просто изъ ржапой соломы дудочки, деревянные дудки и т. п. Въ праздничные дни по вечерамъ соберутся, бывало, молодые крестьяне, парни гдѣ-либо у завалинки или у сельской околицы, сыграютъ на своихъ дудочкахъ и составятъ незаметный оркестръ, исполняя задуманные родныя пѣсни. А вотъ подошли и дѣвчѣны къ роднымъ музыкаптамъ. Онѣ сначала тихо подпѣваютъ пастроившемуся оркестру, а затѣмъ запѣваютъ полными голосами, оглашая все село любимыми пѣснями: „Головушка моя бѣдная, сторовушка незнакомая“, „Шель милой дорожкой, дороженькой столбовой“, „Сизенькій голубчикъ сидѣлъ на дубочкѣ“ и т. п. Чувствовалось въ этой игрѣ и пѣснѣ что-то задумчиво-могучее, заставлявшее забывать все, чѣмъ такъ или иначе омрачалась жизнь иоселянъ того времени.

Замолкли дудки... Парни вступили въ общій хоръ. Начались хороводы. „Вдоль по-морю, вдоль по-морю“, заводитъ признанная всѣми въ селѣ запѣвало голосистая дѣвица, и весь хоръ мощно подхватываетъ: „вдоль по морю-морю синему“. Выступаютъ въ кругъ „лебедь бѣлая“, „младъ сизой орелъ“ и разыгрывается въ своемъ родѣ пѣлая опера. А тамъ и другая опера—„Запѣлка бѣленькій“, „съ снѣгами бѣлыми пушистыми“. Задумчиво, красиво и осмысленно.

Ведется-ли теперь такъ въ родномъ моемъ селѣ,—не знаю,—давно уже не былъ тамъ, но здѣсь—въ деревняхъ Вологодской губерніи—этого нѣтъ. Изъ музыкальныхъ инструментовъ здѣсь имѣется только одинъ—гармоника,—„тальянка“. „Тальянку“ встрѣтите почти въ каждомъ домѣ. Но не думайте, что въ каждомъ домѣ умѣютъ играть на ней. Нѣтъ,—это только эмблема. Видите въ домѣ гармонику, значитъ въ этомъ домѣ есть парень лѣтъ 15—20-ти. Пришелъ праздникъ. Парень одѣваетъ лучшую фабричнаго покроя одежду, забираетъ свою тальянку и, направляясь по деревнѣ, всегда и неизмѣнно наигрываетъ одну и ту же коротенькую мелодію, извѣстную здѣсь подъ именемъ „турундавскаго марша“. ¹⁾ Мелодія эта заключается въ семи основныхъ звукахъ. Если вы шесть разъ ударите по клавишѣ „до“ и заключите ударомъ „ре“, то вотъ вамъ и вся эта мелодія. Я ее подписалъ такъ: „отвори да затвори“. Съ этимъ „отвори да затвори“ парень несется по деревнѣ къ своему товарищу. Тотъ тоже забираетъ свою „тальянку“. Идутъ далѣе. Къ нимъ присоединяются прочіе товарищи и многіе изъ нихъ съ „тальянками“. „Тальянки“ разныхъ ладовъ. Всѣ парни идутъ за деревню на лугъ, каждый тянетъ на своемъ музыкальномъ инструментѣ „от-

¹⁾ Это названіе произошло, по всей вѣроятности, отъ имени подгороднаго с. Турундаева, что около г. Вологды.

вори да затвори“, и получается такая какофонія, что, кажется, каждый, кто услышитъ ее, долженъ бы заткнувъ уши бѣжать... По иѣтъ. Вонъ спускаются изъ деревни разодѣтыя по городскому деревенскія дѣвицы и направляются къ музыкантамъ. Схватившись за руки, проходятъ онѣ взадъ и впередъ передъ ними. Парни играютъ на „тальянкахъ“, играютъ до одуренія свой „турундаевскій маршъ“ и, должно быть, уставъ сидѣть, подходятъ къ дѣвицамъ. Начинаютъ ходить съ дѣвицами попарно и вести разговоры, „занимать барышень“,—и такъ до поздней ночи. Визгъ, первый, отрывистый смѣхъ... Пѣсни не слышно. Но вотъ опять послышался „турундаевскій маршъ“. Парни расходятся по домамъ. За игрокомъ идутъ товарищи и подпѣваютъ или, лучше сказать, выкрикиваютъ частушки или, какъ иначе ихъ здѣсь зовутъ, „коротушки“. Прислушайтесь къ этимъ выкрикамъ частушекъ. „Тальянка“ играетъ. Спутники гармониста одинъ за другимъ выкрикиваютъ въ тактъ бѣдной мелодіи, отрывисто, какъ-то дико мрачно частушки, какая ему взбредетъ въ данную минуту на умъ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ частушекъ.

1.

Разыграю, разведу
Двѣнадцатирядную,
Хоть и спитъ, такъ разбужу
Милашечку чернобровую ²⁾.

2.

Я сегодня при колошахъ,
Завтра буду при часахъ,
Антирочно заниматься,
Я спрошу который часъ ³⁾

3.

Ты, милашечка моя,
Коротенька шейка,
Зачала меня любить,
Люби хорошенько ⁴⁾.

4.

Было любила четыре,
А теперь ни одной:
Одна мила утонула,
А вторая умерла,
Третья мила замужъ вышла,
А четвёртая родила ⁵⁾

5.

Какъ у чайника мово
Рыльцо оловянное;
У милашки у моей
Сердце окаянное ⁶⁾.

6.

Трудно карюшку спускаться
Со крутой горы въ рѣку;
Трудно дѣвушкѣ гоняться,
Какъ не надо парничку ⁷⁾.

Такихъ и подобныхъ частушекъ можно было бы привести безконечное множество. Они создаются на удилѣ, такъ сказать, экспромтомъ, не долго думая. Приведенныя и приводимыя ниже—лучшія изъ часту-

²⁾ Записано въ д. Лавкино Вологодск. у.

³⁾ Записано въ с. Хрѣново Вологодск. у.

⁴⁾ Изъ записей учениковъ Благовѣщенск. д.-пр. школы Вологодск. у.

⁵⁾ *ibid.*

⁶⁾ *ibid.*

⁷⁾ *ibid.*

шекъ. Большинство же ихъ настолькоъ, по содержанію, безобразны, что для напечатанія положительно неудобны. Порнографія — вотъ главенствующее содержаніе современной деревенской пѣсни.

Деревенская молодежь по пѣснямъ и частушкамъ.

Въ дни будничные деревенская молодежь ничѣмъ особеннымъ себя не проявляетъ. Парни и дѣвушки работаютъ, трудятся въ принятыхъ въ данной деревнѣ или селѣ направленіи и отрасли сельскаго хозяйства или промысла. Приближается деревенскій праздникъ. Деревня какъ бы отбрасывается отъ работы и все свое вниманіе направляетъ на подготовку къ празднику и, главнымъ образомъ, на подготовку нарядовъ, особенно для дѣвицъ. Въ этомъ отношеніи деревня дѣйствуетъ настолько напряженно, что забываетъ все, лишь бы вырядиться. Одна пѣсня, отзывающаяся думою и думою грустною, такъ рисуетъ это настроеніе деревни:

Ахъ, какое время въ деревняхъ настало:
Всѣ живутъ крестьяни кто какъ ни попалъ,
Подать худо плотять, землю запускають,
Дѣтокъ и внучатокъ баско паряжають.
Вотъ приходитъ праздникъ. Нѣтъ въ хлѣбѣ коровы,
А на то не смотрять, дѣлають обшвы.

Но вотъ и праздникъ. Послѣ обѣда вся молодежь выходитъ на обычное для праздниковъ мѣсто гулянья и проводитъ здѣсь время въ томъ родѣ, какъ описано было выше. Интересенъ внѣшній видъ этой молодежи. Упомянутая пѣсня рисуетъ деревенскую молодежь съ этой стороны такъ:

Молодцы одѣты: на любомъ сорочка,
Сертучекъ и брючки и часы съ пѣпочкой,
Повая фуражка, кудри завиты,
На рукѣ на правой перстни золотые,
Въ лѣвой папироска, — вся она дымится,
Ходить точно баринъ, — бровь не шевелится.
И дѣвицы тоже модничать умѣють:
Каждая корсеты стройныя нѣсетъ,
На головкѣ шляпа съ яркими цвѣтами,
На гуляньи ходитъ птичьими шагами,
На ногахъ колоши глянецомъ отзываютъ,
А у платья ленты вѣтромъ раздуваетъ.

Описавъ такъ молодежь, пѣсня не радуется этому праздничному виду ея. Она констатируетъ далѣе, что въ погонѣ за нарядами, деревня забываетъ „дѣло“, и „живется худо нашему народу“. Пѣсня говоритъ:

Эта-то забота въ головы всѣмъ сѣла,
Изъ за той заботы забываютъ дѣло.
На судьбу неняють, что не всѣ богаты,
То не понимаютъ: сами виноваты.
Ахъ, пора бы бросить дорогіи моды,
Не жилось бы худо нашему народу.
Каждый бы крестьянинъ полоть обдѣлалъ
И бѣды — кручины никогда-бъ не вѣдалъ^{*)}.

Какъ бы ни сѣтовала эта пѣсня на внѣшій видъ деревенской молодежи, — все же она не навѣваетъ той тяжелой грусти и даже боязни за молодежь, какія невольно порождаются частушками, крайне мрачно

^{*)} Пѣсня эта записана мною въ д. Лавкино Вологодск. уѣзда со словъ крестьянина В. И. Зуевского.

рисующими нравственную фیزیомію деревенской молодежи вообще и парней въ частности и въ особенности. Для этой молодежи нѣтъ авторитета въ родной семьѣ. Что парень захотѣлъ, то и будетъ дѣлать, не справляясь съ мнѣніемъ родителей.

Тятя, мама, не перечь,
Раскачу я вашу печь,
Раскачу по кирпичу,
Самъ въ окошко выскочу ⁹⁾.

Но. можетъ быть, нравственный обликъ парней таковъ, что, дѣйствительно, родителямъ не слѣдовало бы „перечить“ имъ? Можетъ быть, родители настолько отстали, что лучше бы имъ молчать? Частушки не даютъ намъ этого. Уже изъ приведенной частушки видно, насколько красивы парни по своему нравственному облику; протестъ ихъ родителямъ грубъ въ высшей степени: „Раскачу по кирпичу, самъ въ окошко выскочу“,—говоритъ сынъ родителямъ. Но это еще цѣтики. Ягодки впереди. Сама молодежь въ своихъ частушкахъ характеризуетъ себя мрачными чертами. Она называетъ себя „отчаянной башкой“, которой мѣсто въ Сибири.

Я—отчаянна башка,
Не хожу безъ камешка,
Меня въ Сибири ожидаютъ,
Шьютъ рубашку изъ мѣшка ¹⁰⁾.

Молодежь въ своихъ частушкахъ сама называетъ парней „мазуриками“, „сукинъ сынъ“ и „собака“.

1.
Вотъ и гири, вотъ и пожъ,
На мазурика похожъ.
Солнце свѣтитъ на востокъ,
Меня мазурика въ острогъ ¹¹⁾.

2.
Я гуляю, какъ мазурикъ,
И умру, какъ сукинъ сынъ,
Похоронятъ, какъ собаку,
Дѣвки скажутъ: лѣшій съ нимъ ¹²⁾.

И дѣйствительно приходится сказать: „лѣшій съ нимъ“. Въ праздничный день по деревнѣ пройти безъ опаски трудно. Пьяные парни положительно безчинствуютъ. Вотъ что они вполне справедливо сами поютъ о себѣ.

1.
Выплылъ мѣсяцъ изъ тумана,
Вынулъ ножикъ изъ кармана,
Стаю рвать и душиить,
Все равно въ Сибири жить ¹³⁾.

2.
По деревнѣ пройду,
Что нибудь да сдѣлаю:
Дровъ полѣнницы разрою,
Нѣтъ, такъ рамы выберу ¹⁴⁾.

3.
Наши въ полѣ не робѣютъ,
И на печкѣ не дрожатъ;

⁹⁾ Изъ записей учениковъ Благовѣщенской церк.-прих. школы Вологодск. уѣзда.

¹⁰⁾ Изъ записей учениковъ церк.-прих. школы Вологодск. уѣзда.

¹¹⁾ Тоже.

¹²⁾ Тоже.

¹³⁾ Записано въ с. Воробинѣ Сольвычегодскаго уѣзда.

¹⁴⁾ Тоже.

По почамъ ходить умѣютъ,—
Только рамочки дрожатъ.
Вотъ какъ наши дѣлаютъ:
Рамы бьютъ не бѣгаютъ.
Полетѣли рамочки,
Отъ сосновой палочки ¹⁵⁾.

Такъ воспѣваютъ свою безшабашную удалъ сами парни. Не лучшими чертами изображаютъ ихъ въ частушкахъ и ихъ сверстницы—дѣвицы. Дѣвицы относятся къ парнямъ съ явной пасмѣшкой. По ихъ мнѣнью, деревенскіе ребята „любятъ водку выпивать“, „любятъ въ карты поиграть“, „отца матеръ обругать“, они „процалыги молодцы“ и „наголо сонлятики“.

1.

Какъ вѣдь наши-те ребята
Любятъ водку выпивать;
Понадесть бутылка въ руки,
Рады съ горломъ оторвать ¹⁶⁾.

2.

Мы сажали огурчи
выросли арбузки;
Какъ вѣдь наши-то ребята
Прошили картузики ¹⁷⁾.

3.

Какъ вѣдь наши-те ребята
Любятъ водку выпивать:
Ванька перва пьяница,
Митька другой охотникъ,
Микола деньгима трясетъ,
Егоро четверть принесетъ ¹⁸⁾.

4.

Деревенскіе ребята
Любятъ въ карты поиграть:
Понадутъ имъ карты въ руки,
Рады мѣсяцъ проиграть,—
Рады мѣсяцъ проиграть,
Пѣтъ, такъ карты изорвать;—
Шѣтъ, такъ карты изорвать,
Въ ряскахъ нѣ избу прибѣжать;
Въ ряскахъ нѣ избу прибѣжать,
Отца матеръ обругать ¹⁹⁾.

Испитые, буйные и наглые деревенскіе ребята производятъ на своихъ сверстницъ—дѣвицъ впечатлѣніе незавидное. Дѣвицы въ заключеніе приведенныхъ уже частушекъ поютъ про ребятъ еще такъ:

1.

У нашихъ те ребятъ
Пожь носомъ замерзаетъ;
Оскоблать бы топоромъ,
Ифловаться можно ²⁰⁾.

2.

У нашихъ те ребятъ
Сопли тянутся до нѣтъ.
У нашихъ те ребятъ
Подколѣнки вши бѣдятъ ²¹⁾.

¹⁵⁾ ibid.¹⁶⁾ ibid.¹⁷⁾ ibid.¹⁸⁾ ibid.¹⁹⁾ ibid.²⁰⁾ ibid.²¹⁾ ibid.

3.

Наша рѣчка не величка,
Рыбка — все карасики;
Какъ вѣдь наши-те ребята
Паголо соплятики ²²⁾.

Само собою разумѣется, что такіе друзья дѣтства и юности встрѣчаютъ мало привѣта отъ своихъ сверстницъ. Этихъ „процалыгъ — молодцовъ“, у которыхъ „сопли тянутся до пятъ“, по мнѣнію деревенскихъ дѣвицъ, слѣдуетъ угощать „киселькомъ со смолой“, мѣсто для ихъ почлега „у свиньи въ гнѣздѣ“, а будить ихъ слѣдуетъ „дубиной да вязиной“. Такое отношеніе деревенскихъ дѣвицъ къ парнямъ рисуется слѣдующая пѣсня, распѣваемая дѣвицами:

Тятенька, маменька, чѣмъ гостей кормить?
Старыхъ-то старушекъ киселькомъ съ суеломъ,
Молодыхъ-то молодухекъ киселькомъ съ молочкомъ,
Красныхъ-то дѣвушекъ сахаркомъ съ медкомъ,
Процалыгъ-то молодцовъ киселькомъ со смолой.

Тятенька, маменька, что гостямъ пряхть?
Старымъ-то старушкамъ изгребни пряхть
Молодымъ-молодушкамъ бѣлый ленъ,
Краснымъ-то дѣвушкамъ бѣлый шелкъ,
Процалыгамъ-молодцамъ отрешни пряхть.

Тятенька, маменька, гдѣ гостямъ спать?
Старымъ-то старушкамъ на печи въ углу,
Молодымъ-то молодухамъ — въ горенкѣ,
Краснымъ-то дѣвушкамъ въ высоко-теремѣ,
Процалыгамъ молодцамъ у свиньи въ гнѣздѣ.

Тятенька, маменька, чѣмъ гостей будить?
Старыхъ-то старушекъ оценоккомъ,
Молодыхъ-то молодухекъ плеточкой.
Красныхъ-то дѣвушекъ не смѣть будить:
Пусть они поспятъ, до пошѣкаться,
Процалыгъ-то молодцовъ дубиной да вязиной ²³⁾.

Что же представляютъ изъ себя, по пѣснямъ, эти пасмѣшницы-дѣвицы? Въ отвѣтъ на это у меня имѣется матеріала мало, но и на основаніи этого матеріала можно заключать, что пасмѣшницы-дѣвицы деревенскіе едва ли лучше своихъ сверстниковъ парней. Одна краткая пѣсенка рисуетъ деревенскихъ „красотокъ“, какъ любительницъ „винограднаго вина“, и не прочь „пить крутить“.

На столѣ стоятъ бутылка
Винограднаго вина;
За столомъ сидитъ красотка,
Ненаглядная она.
Полно пить-крутить, красотка:
Намъ не долго съ тобой жить, —
Тебя замужъ отдадутъ,
Меня въ солдатушки возьмутъ, —
Тебя замужъ на весь вѣкъ,
Меня въ солдаты на пять лѣтъ ²⁴⁾.

Любя рядиться ²⁵⁾ и веселиться, деревенская дѣвица-бездѣльница, неряха, не хозяйка.

²²⁾ ibid.²³⁾ ibid.²⁴⁾ ibid.²⁵⁾ Это мы видѣли выше.

Васька лапти плететь,
 Клаша продаваетъ.
 Васька-неряха,
 Бѣгать-побираетъ,
 Вѣгать-побираетъ
 Да растворъ хлѣбаетъ ²⁶⁾.

Деревенская дѣвица въ одной пѣснѣ изображается неурядливой, неискусной въ женскихъ рукодѣліяхъ.

Пошла Катя въ гости,
 Набрала кудольки.
 Ай наша Катя, ай Катерина.
 Семьдесятъ коклюшекъ,
 Сорокъ вертюшекъ.
 Ай наша Катя, ай Катерина.
 Источку натинетъ
 Коклюшекъ опрядетъ,
 Простенекъ навернетъ.
 Ай наша Катя, ай Катерина.
 Прида, поприла,
 Бордо не прибрала.
 Ай наша Катя, ай Катерина.
 Въ кругъ поля сповала,
 Въ огородъ кидала,
 Ай наша Катя, ай Катерина.
 Коломъ приступила,
 Жердью притыкала
 Ай наша Катя, ай Катерина.
 Стала наша Катя
 Выткалье бѣлать.
 Ай наша, ай Катерина.
 Въ воду-то колами,
 Изъ воды конями.
 Ай наша Катя, ай Катерина.
 Кони то бѣжали,
 Несъ берегъ измяли,
 Всю траву стоптали.
 Ай наша Катя, ай Катерина.
 Вдетъ баринъ по берегу,
 „Богъ на помощь, Катюша,
 Рогожки бѣлать“.
 Ай наша Катя, ай Катерина.
 Что ты, краснорожій,
 Это не рогожи!
 Ай наша Катя, ай Катерина.
 Это не рогожки,
 Катини платочки,
 Ваннин дарочки.
 Ай наша Катя, ай Катерина.
 Стала наша Катя
 Рубашку кронти.
 Ай наша Катя, ай Катерина.
 Топоръ-то наставить,
 Молотомъ ударить.
 Ай наша Катя, ай Катерина.
 Начала Катюша
 Рубашку шить.
 Ай наша Катя, ай Катерина.
 Напарьей повернетъ,
 Канатомъ продернетъ.
 Ай наша Катя, ай Катерина.

²⁶⁾ Изъ записей учениковъ Благовѣщенской п.-пр. школы Вологодск. у.

Пошла Катя по людямъ:
 Люди не покиньте,
 Рубашку надѣньте
 Ай наша Катя, ай Катерина.
 Семеро вздымали,
 Трое натягали.
 Ай наша Катя, ай Катерина.
 Три года носила
 Смѣны не просила.
 Ай наша Катя, ай Катерина.
 Повелся вошки
 На поповой кошкѣ.
 Ай наша Катя, ай Катерина ²⁷⁾.

Вообще вся деревенская молодежь, судя по пѣснямъ и частушкамъ, не радуется свою деревню.

Ныѣшній мальчишка шести лѣтъ все знаетъ:
 Пьетъ вино, куритъ табакъ, въ карточки играетъ.
 И дѣвильи — ой, ой, ой, — ужъ живутъ неспроста:
 Посмотрика, у иной есть записокъ по ста,
 Всѣ они пяткамъ лежатъ въ ящичкахъ секретныхъ,
 И онѣ читають ихъ про дружокъ сердечныхъ ²⁸⁾.

С. Лосевъ.

Архангельское Общество изученія Русскаго Сѣвера. /

Выставка „Русскій Сѣверъ“.

Выставка продолжаетъ пополняться предметами, какъ поступающими специально для выставки, такъ и присылаемыми въ даръ О-ву для устройства, по окончаніи выставки, музея Арх. О-ва изученія Русскаго Сѣвера; поступили слѣдующіе предметы:

1) Отпечатокъ на полотнѣ „Соловецкій монастырь“, грав. 1772 г. Отъ *И. Г. Шохина*; даръ Обществу.

2) 5 фотографій, касающихся родины Ломоносова. Отъ свящ. *А. Н. Грандильевского*.

3) Коллекція фотографій видовъ Керети. Отъ свящ. *В. И. Мелетіева*; даръ Обществу.

4) 6 чертежей, изображающихъ планъ Поводвинской крѣпости и разныя постройки въ пей, существ. въ 1870 хъ годахъ. Отъ *И. А. Таратина*; даръ Обществу.

5) 4 фотографіи „изъ жизни лопарей“. Отъ *Г. Порожкина*.

6) Картина „Зырянскіе промыслы“ и сосновая ваза. Отъ *Ю. Ф. Сусленникова*.

7) Альбомъ видовъ Соловецкаго монастыря. Отъ *Соловецкаго монастыря*; даръ Обществу.

8) Старинный женскій головной уборъ и картина стариннаго суда на „Кола“. Отъ свящ. *А. Н. Грандильевского*.

9) Руда изъ ущелья близъ с. Сороки, Кемск. у. и каменный уголь съ о. Шницбергера. Капитаны пароходовъ „Ariadne“ г. *Вильстерманъ* „Blanchland“ г. *Шантеръ*; даръ Обществу.

10) 5 птичьихъ яицъ. Отъ *А. Ф. Демьянова*; даръ Обществу.

²⁷⁾ Записано въ с. Воробинѣ Сольвычегодск. у. Пѣсня эта сравнительно давняя.

²⁸⁾ Записано въ д. Лавкино Вологодск. у.